

Зерзан Джон. Чудо нельзя выразить словами

2004, источник [здесь](#), Перевод Антона Шеховцова. Опубликовано в *Green Anarchy* #19

Несколько лет тому назад ныне покойного философа науки и анархиста Пауля Фейерабенда пригласили подписать петицию, распространявшуюся известными европейскими мыслителями. В ней продвигалась идея того, что общество нуждается в помощи философов, которые черпают свои мысли из "интеллектуальных сокровищниц" прошлого. В наши темные века, как говорилось в заключении петиции, "нам нужна философия".

Деррида, Рикер и остальные либеральные кутюрье документа были, вне всяких сомнений, шокированы отказом Фейерабенда. Он указал на то, что философские "сокровища" не рассматривались как дополнение к образу жизни, но предназначались для выражения их подмены. "Философы, - объяснял он, - уничтожили все, что открыли, практически точно так же, как другие носители стандартов западной цивилизации уничтожили туземные культуры..."[1]. Фейерабенд спрашивал, каким образом цивилизованная рассудочность, погасившая природный цвет жизни и свободы, обесценив тем самым человеческое существование, добилась такого абсолютного господства. Возможно, ее главным оружием стало символическое мышление, утвердившее свою власть посредством языка. Быть может, мы в состоянии определить ту веху в истории эволюции, когда наш вид свернул не в ту сторону.

"Мы можем предположить, что письмо... осуществляет новую реальность", - писал Теренс Хокинс, добавив, что язык "не терпит ни единой унитарной 'реальности' вне себя. В конечном счете, он порождает свою собственную действительность"[2]. Бесконечно разнообразная реальность оказывается в плену конечного языка, чья формальная система подчиняет себе природу в целом. Как пишет Майкл Баксандалл, "всякий язык... есть заговор против человеческого опыта, так как он является совокупной попыткой упрощения и систематизации опыта в форме удобопереносимых ящиков"[3].

С появлением репрессий и доминирования было положено начало длительного процесса истощения богатства мира, неблагоприятного отделения человека от источника жизни. То, что когда-то давалось щедрой рукой, теперь контролируется, дозируется, распределяется. Фейерабенд обращает наше внимание на то, что сейчас предпринимается попытка - в особенности со стороны специалистов - "сократить изобилие, которое окружает и смущает их"[4].

Суть языка заключается в символе. Это всегда подмена. Это всегда бледная репрезентация того, что находится у нас в руках, что являет нам непосредственно само себя. Сюзанна

Лэнгер размышляет над загадочной природой символа: "Если бы слово 'обилие' заменили настоящим сочным, зрелым персиком, немногие стали бы задумываться над содержанием этого слова. Чем бесполезнее и безразличнее символ, тем больше его семантическая власть. Персики слишком хороши, чтобы уподобиться словам; нам слишком интересны сами персики"[5].

Для народа мурнгин, проживающего в Северной Австралии, давать имена и производить другие подобные лингвистические конкретизации подобно смерти, потере изначальной целостности. Это очень хорошо показывает то, что успешно реализовывает сам язык. Эрнест Джоунс, говоря более абстрактно, предположил, что "только то, что репрессируется, подвергается символизации; только то, что репрессируется, необходимо подвергать символизации"[6].

Всякая символическая методика - всего лишь один способ видения и связи. Если мы оглянемся в прошлое и постараемся увидеть то, что было постепенно выведено из действительного мира и потеряно, то поймем, что, скорее всего, до возникновения символизма отношения между людьми были более тонкими, непосредственными и чувственными. Однако думать так запрещено. Обычно мы слышим лишь утверждения, что "вербальный язык стал, возможно, самым великим открытием (!) в человеческой истории" или что "язык позволяет людям общаться и взаимодействовать друг с другом". Такие невероятные заявления противоречат тому факту, что общение, взаимодействие и социум существовали и до символического мышления, которое появилось на эволюционной шкале лишь недавно. (Предполагается, что символизм возник 35 тысяч лет назад по прошествию почти двух миллионов лет успешного человеческого приспособления к жизни на Земле). Подобные формулировки служат наглядным доказательством надменности, империализма и невежества символического мышления.

Мы не знаем точно время возникновения речи, но когда одомашнивание животных стало доминировать над собирательством и охотой, появилась письменность. К 4500 г. до н.э. в Средней Азии стали широко распространены глиняные дощечки с записями земледельческих сделок и описями инвентаря. Пять тысяч лет спустя окончание формирования греческого алфавита завершило процесс перехода к современной письменной системе.

Единственное преимущество современных людей, несомненно, стало главной доктриной цивилизационной идеологии. Например, Сапир расширил содержание этой идеологии настолько, что определил человеческую личность, как систематизированную психологическую организацию, зависящую от совокупности символов[7]. Сейчас символическое посредничество языка многими воспринимается скорее как все-определяющая тюрьма, чем триумф высвобождения. Философский анализ прошлого столетия в большинстве своем был обращен именно к реализации данной идеи, хотя нам сложно представить себе, как можно избавиться от символизма или хотя бы до конца осознать его всепроникающее присутствие и влияние. Установить глубину этой логики опустошения и было задачей Фейерабенда. В действительности не так легко понять, что представляли собой когнитивные способности человека до того момента, когда язык и символическое мышление овладели большей частью нашего сознания.

Именно грамматика устанавливает язык в качестве системы, напоминая нам о том, что символическое должно стать систематическим для захвата и удержания власти. Таким способом чувственный мир становится структурированным, а его изобилие подвергается процессу переработки и сокращается. Грамматика любого языка - это теория опыта, но более того - это идеология. Она определяет законы и границы и устанавливает форму, единообразную призму, с помощью которой мы познаем окружающую нас действительность. Язык определяется грамматическими правилами, к выбору которых сам говорящий не имеет никакого отношения, а человеческий разум в наше время обычно рассматривается как механизм, работающий от грамматического или же синтаксического привода. Уже в XVIII веке человеческую природу называли "языковой тканью"[8] - еще одно мерило гегемонии языка в качестве главного фактора, обуславливающего сознание.

Язык и символизм в целом всегда выполняют замещающую роль; они содержат в себе значения, которые невозможно вывести из эмпирического контекста. В этом кроется источник сегодняшнего общего кризиса смысла. Язык дает начало и воспроизводит разграничение, которое приводит человека к еще большей утрате пространства. Сопrotивление этой опустошительной динамике должно начинаться с проблематизации языка. Фуко отмечал, что речь является не только "вербализацией конфликтов и систем доминирования, но... самим предметом человеческих конфликтов"[9]. Он не развил эту идею, которая, тем не менее, верна и достойна нашего внимания и дальнейшего изучения. Глобальный духовный кризис нашего времени уходит корнями в отстранение от непосредственности, характеризуемое возникновением символизма.

Цивилизация предпринимает многократные, но тщетные попытки преодолеть нестабильность и разложение содержания, вызванные властью символического. Одна из самых известных попыток была предпринята в XVII веке Декартом, который хотел дать "обоснование" науки и современности. Его знаменитый дуализм души и тела породил философский метод (основанный на подавлении тела, разумеется), от которого мы страдаем по сей день. Он обосновывал достоверность своей системы с помощью знаковой системы чисел, отображенной в его аналитической геометрии. Однако мечта о достоверности оказалась последовательным развитием процесса репрессивного замещения, призрачным основанием для повсеместного распространения доминирования.

Язык обладает конформистской сутью в самом глубочайшем смысле этого слова; даже объективная реальность капитулирует перед его давлением. Так называемое фактическое оказывается под угрозой растворения, потому что ему сообщают форму и заключают в пределы языка. Оказавшись под его властью упрощения и схематизации, мы забываем о том, что нам не требуются символы для передачи смысла. Реальность до-лингвистической социальной практики скрыта от нас по причине гораздо более весомой, чем практические, эмпирические ограничения возможности сообщения с прошлым. Первобытная жизнь подверглась чуждым ей влияниям, а природное существование оказалось заложником всепроникающей цивилизационной склонности к переоценке символического.

При этом не стоит излишне спекулировать в отношении анализа общественной жизни во времена раннего символизма, так как он может показать нам важные взаимосвязи. Из археологических и этнографических источников мы знаем, что в эпоху расслоения общества

неравенство часто обосновывалось знанием ритуалов: кто-то владел им, а кто-то нет. Уже тогда символизм должен был присутствовать в полном объеме в качестве определяющего фактора, иначе, почему бы неравенству не обосновываться, скажем, знанием растений?

Вполне вероятно, что язык возник из ритуала, который помимо всего прочего является одним из способов замещения эмоций. Мы можем провести параллель между разобщающим, символическим процессом ритуала и, возможно, порожденным им языком: выражение вымещенных эмоций, абстрактные восклицания; язык - это ритуализированная экспрессия.

С древнейших времен ритуал характеризуется загадочным взаимодействием властных сил. Дикон утверждал, что язык стал необходим вследствие потребности заключения соглашений, от которых зависело общество[10]. Однако, скорее всего, общественная жизнь появилась гораздо раньше языка. Договоры на основе языка могли появиться как реакция на разногласия в обществе, такие как неустойчивость и неравенство.

В дальнейшем функцию реагирования на проблемы и разногласия в человеческих сообществах взяла на себя религия, но ее результативность оказалась еще более ограниченной. Язык также играл в ней центральную роль. Магия слов проходит красной нитью через всю историю религии. Благоговение перед именами и названиями - вполне обычная практика (хорошо документированная история религиозной жизни в Древнем Египте - прекрасный тому пример)[11]. П

проблемы, обусловленные сложностью отношений и иерархией, никогда не решались с помощью символических средств. То, что преодолевается на символическом уровне, остается без изменений на уровне не-символическом (реальном). Символические средства не пересекаются с реальностью; они являются частью происходящих негативных явлений. Например, разделение труда уничтожило тесный контакт между людьми и непосредственные, интимные отношения человека с природой. Символическое является соучастником этого преступления: оно генерирует все новые и новые промежуточные звенья в дополнение к тем, которые были порождены социальной практикой. Жизнь становится фрагментированной, взаимосвязь с природой утрачивается и растворяется. Вместо того чтобы залечивать раны, символическое мышление направляет человека на неправильный путь - на путь к абстракции. Возникает "жажда преодоления", но совершенно игнорируется непрестанно изменяющаяся действительность, являющаяся источником подобных устремлений. Язык, реорганизуя и подчиняя себе природные системы, с которыми когда-то человечество жило в гармонии, играет здесь ключевую роль. Символическая культура требует, чтобы мы отвергли "животную натуру" во имя символически обусловленной "человеческой природы".

Сейчас наша повседневная жизнь заключена в пределы мира, который стал еще более символическим и нематериальным. Даже экономика стала абсолютно символической; нам же продолжают говорить, что социальные узы (то, что осталось от них) носят лингвистический характер. Вторжение языка в мир привело к серии преобразований, в результате которых он был утрачен. Когда-то "весь мир был живым"[12], как говорил Фрейд; мир был известен всем, и все были сопричастны с ним. Впоследствии тотемных животных выместили боги - первые ласточки надвигающегося символизма. (Я вспоминаю, что

старейшины туземцев часто отказываются от просьб сделать аудио- или видеозапись, настаивая на том, что те сведения, которые они хотят сообщить, должны быть переданы лично, с глаза на глаз). Язык был мощным инструментом для технологического и общественного разочарования. Подобно всякому символическому устройству он сам, по сути, был техническим изобретением. Но язык не учреждает и не порождает смысл, существовавший и до него. Наоборот, он ограничивает и извращает смысл посредством законов символической репрезентации - архитектуры логики контроля. Одомашнивание также принимало активное участие в этом процессе, оказав большое влияние на становление идеи доминирования. Одним из характерных признаков языка является его способность к стандартизации, совершенствующаяся параллельно с развитием технологии, которому способствует язык. Например, печатный станок подавлял диалекты и другие языковые вариации, создавая унифицированные стандарты для взаимодействия и коммуникации. Грамотность всегда служила экономическому развитию и была направлена на создание сплоченности, которая так необходима для строительства национального государства и возникновения национализма.

Язык - это производительная сила; подобно технологии он не поддается социальному контролю. В постмодернистскую эпоху и язык, и технология занимают господствующее положение, но и то, и другое являет признаки истощения. Символическое уже не отражает сегодня ничего, кроме собственного пристрастия к власти. Тесные человеческие взаимоотношения и телесная непосредственность были заменены ускользающим чувством реальности. Нищета и манипуляции массовой информацией - это постмодернистская версия культуры. Это голос индустриальной современности - кибернетический, цифровой, виртуальный; он отражает свою одомашненную сущность, один из аспектов массового производства. Язык не дарит нам наличие, наоборот - он устраняет его и его прозрачность. Дэн Шпербер писал об "эпидемиологии репрезентаций"; сравнение с патологией вполне оправдано. Шпербер спрашивал, почему символическое распространяется подобно эпидемии, почему мы так беззащитны перед ним[13], но оставил свой вопрос без ответа[14].

В Эпоху Коммуникации наши гомогенизированные символические "материалы" демонстрируют свою полную неадекватность. Наша изоляция увеличивается; то, что мы хотим сообщить, сжимается. Как так получилось, что люди стали считать мир и сознание по большей части состоящими из языка и включенными в него? Структурирует ли время язык или же язык время? Слишком много вопросов, но главный из них: как нам преодолеть, убежать, избавиться от символического?

Быть может, пока мы не знаем ответа на вопрос "как?", но мы знаем, по крайней мере, отчасти, ответ на вопрос "почему?". В языке, числе, искусстве и остальных категориях идея замещения оказалась худшей сделкой символизма. Данная компенсация не смогла компенсировать то, что потерпело поражение. В результате символических операций возникает бессодержательное, анти-духовное измерение, которое с каждым перерождением становится еще более бессмысленным и равнодушным. В этом нет ничего нового; просто сейчас, к сожалению, в современном мире все стало еще более гнетущим и очевидным, более агрессивным по отношению к тесным человеческим взаимоотношениям, оригинальности и незапрограммированному существованию. Это унылое состояние душит нас и истощает наши жизненные силы, и оно уничтожит нас, если мы не положим ему

конец.

Репрезентация относится предательски даже по отношению к самой себе. Гирт Ловинк пришел к заключению, что "уже не существует образа 'природности'. Вся информация подверглась преобразованию в цифровую форму. Нам приходится мириться с тем фактом, что мы уже не можем доверять собственным глазам и ушам. Об этом знают все, кто работал на компьютере"[15]. Процесс обесценивания и атрофии чувств сопровождается отстранением и деконтекстуализацией.

Джордж Стайнер назвал нынешнее состояние духа "глубинной усталостью". Это утомление порождено бременем языка и символизма; "тени удлиняются", а "воздух наполнен запахом разлуки"[16]. Прощание действительно удачно описывает ситуацию. Растущая безграмотность, вульгаризированные символические средства (например, электронная почта)... измерение, разорванное в клочья. Вавилонская башня, ныне устремленная в киберпространство, никогда не была столь высокой, но вместе с тем ее основание никогда не было и столь ненадежным. Значит, сейчас ее легче разрушить?

Примечания

[1] Paul Feyerabend, *Conquest of Abundance: A Tale of Abstraction versus the Richness of Being* (Chicago: University of Chicago Press, 1999), p. 270.

[2] Terence H. Hawkes, *Structuralism and Semiotics* (London: Methuen, 1977), pp. 149, 26.

[3] Michael Baxandall, *Giotto and the Orators* (Oxford: Clarendon Press, 1971), p. 44.

[4] Paul Feyerabend, *Killing Time* (Chicago: University of Chicago Press, 1995), p. 179.

[5] Susanne K. Langer, *Philosophy in a New Key* (Cambridge: Harvard University Press, 1942), p. 75.

[6] Ernest Jones, цит. по Dan Sperber, *Rethinking Symbolism* (Cambridge: Cambridge University Press, 1975), p. 43.

[7] Edward Sapir, "The Emergence of the Concept of Personality in a Study of Cultures," *Journal of Social Psychology* 5 (1934), pp 408-415.

[8] Например, Johann Gottfried Herder, *Treatise on the Origin of Language*.

[9] Michel Foucault, *The Archaeology of Knowledge*, translated by A.M.Sheridan Smith (New York: Pantheon, 1972), p. 216.

[10] Terrence W. Deacon, *The Symbolic Species* (New York: W.W. Norton, 1997), *passim*.

[11] Ernst Cassirer, *Language and Myth* (New York: Dover, 1953), pp 45-49.

[12] Sigmund Freud, *Moses and Monotheism*, The Standard Edition of the Complete Works (London: The Hogarth Press, 1964), p. 114.

[13] Dan Sperber, "Anthropology and Psychology: Towards an Epidemiology of Representations," *Man* 20 (1985), pp 73-89.

[14] Высокий рост случаев аутизма - это не метафора. Аутизм как уход от символического взаимодействия представляется ужасающим комментарием к вопросу о бесплодной сущности этого взаимодействия. Возможно, неслучайно, что об аутизме впервые заговорили в 1799 году, когда началась индустриальная революция.

[15] Geert Lovink, *Uncanny Networks* (Cambridge: The MIT Press, 2002), p. 260

[16] George Steiner, *Grammars of Creation* (New Haven: Yale University Press, 2001), p. 3.

Версия #2

Зверобой создал 18 апреля 2025 19:15:52

Зверобой обновил 18 апреля 2025 19:41:21